

Николай ФОТЬЕВ ● ИЗБУШКА

ОЧЕРК

В отпускное и другое удобное время ездил я, бывало, на верхний Амур. Привязался — душой прикипел к его высоким горным берегам, таким прочным и чистым, гулким и отзывчивым ко всякому звуку. Эти места чем-то напоминали мне родину — горный Алтай с его Катунью и Бией. Правда, Амур, не в пример им, и в горах течет спокойно, без шума и рева, ибо все, что мешало, он давно уже сокрушил и раздвинул. Широкий, глубокий и величавый, он как давний хозяин идет среди гор, которые почтительно расступаются перед ним.

Как-то плыл я на рейсовом теплоходике. Судовой ход прижимался к горному берегу, а вся ширина плеса уходила в другую сторону. Собственно, здесь не берег, а каменный срез горы с зубцами, пиками, хрящеватыми мысами и расщелинами между ними. Он так высок и обрывист, что кажется — не просто возносится в небо, но и нависает над рекой, и плыть тут было немного боязно. Тем не менее, на всей этой каменной стене, то белесой, то серой и розовой, бог знает какою силой там и тут держатся древние сосны. Их высокие золотые стволы чудятся то мощными струнами меж камней и хвои, то органными трубами. А тут на теплоходике, скорее всего случайно, грянула торжественно-красивая музыка. И казалось, именно горы и скалы исторгали этот созвучный им голос. Плес под широкой тенью горы казался бездонным и

таким чистым, что в нем виделся и небосвод, и этот головокружительной высоты берег из камня и сосен, и наш теплоходик, напоминавший белое перышко, случайно упавшее к подножию этих великих круч.

Картина эта, как бы сама родившая музыку, не только вспоминалась, но почему-то не однажды привиделась потом во сне. И всякий раз заставляла радоваться и трепетать, ибо сон заканчивался тем, что я висел на каменном карнизе почти в безвыходном положении. Вокруг и внизу — каменные провалы, выступы, башни. И, как ни в чем не бывало, росли тут великие сосны с золотыми стволами. Ну, а раз сосны держались, то и я не должен был упасть. И это утешало. Да еще музыка... та самая музыка слышалась. Что еще надо человеку, чтобы он почувствовал себя тревожно и счастливо!

Да разве это только? А излюбленный рев по сентябрьским лесам в долинах Урки и Амазара! А горные дубравы — пристанища копытной и прочей живности! А калужьи и тайменьи всплески! А красноголовые журавли на срединных косах и отмелях! А грибы, а ягоды! А рыбалки! А друзья-приятели, делившие со мной хлеб-соль на этих берегах!..

Но времена меняются. Прежних возможностей ездить на верхний Амур не стало. А в другие места как-то и ехать не хотелось. И когда давний мой знакомый Егор Егорович начал расхваливать берега по Зее, мне показалось, что он преувеличивает. Да еще и села рядом... А я всегда стремился в места не засиженные. Однако ж, почему бы и Зею не посмотреть? И воды в ней не меньше, чем в Амуре, и островов да проток всяких — прорва!

Дело ведь вовсе не в дальних или ближних странствиях, а в самом человеке — сколько и чего он заключает в себе и что видеть способен. Был Амур — теперь будет Зeya...

Итак, Зeya, моторная лодка, новые друзья... Честно говоря, с лодкой много возни. Но любишь кататься — люби и саночки возить. Пока отвалишь от берега, намаешься так, что в самый бы раз отдохнуть. За бензином и маслом добираться черт знает куда....

Жара... на заправке пыль, копоть, гуд, суэта, спешка. Нету один там, такой хороший и механизированный. Кузовные машины, самосвалы, автобусы, государственные и частные легковушки, мотоциклы, мотороллеры... Все спешат куда-то. Чуть зазевался — объедут, обойдут и тебя же обвинят: «Не зевай! Из-за тебя, из-за частника, государственный транспорт не должен стоять...»

Да и вообще возни с моторкой столько, что если все описать, на отдельный очерк хватило бы. Может, лучше вообще не держать лодок? Меньше было бы хлопот, расходов, нервовотрепки. И воздух был бы чище, и горючего тратилось бы меньше.

Но ведь зачем-то производятся и продаются лодки, катера, моторы, запчасти? Надо полагать, не случайно, а с прицелом на жгучие запросы трудящихся. А запросы, как известно, надобно удовлетворять.

Цены на лодки, катера и лодочные моторы сильно поднялись. На горючее — тоже. Не дешевым становится моторизованный индивидуальный отдых. Но если для автовладельцев и места под гаражи отводятся, и в строительстве гаражей помощь оказывается, то почему такое пренебрежительное отношение к маломерному флоту? Почему до сих пор нет на Зее постоянного лодочного причала? Потому тысячи людей, рискнувших приобрести лодки, должны испытывать ежегодно только маяту и огорчения?

Попривыкли, конечно. Главное — благополучно отчалить и уплыть подальше. А там, глядишь, душой отойдешь.

...Плавал я с друзьями к Белым горам — в то место, где Зея, прижимаясь к сопкам, подмывает их и делает большой кривун. Сопки эти стоят на мощной глиняной подошве, а сами почти сплошь песчаные. Песок — белесый или совсем белый. Насколько я понимаю, это смесь силикатного песка с измельченным известняком. Видимо, известняк же окрасил кое-где глину в белый цвет. Но главная здешняя глина — серая, синеватая, красноватая.

Горы, подступившие к Зее, — не что иное, как белые яры с давними и свежими оплывами и обвалами. Высота — от сотни метров и больше. В иных местах яры стоят прочно, успели покрыться сосняком, осыпавшейся хвоей, травкой. В иных — оплывают, оседают, осыпаются вместе с деревьями и светятся голизной. В общем-то это работа воды. Из-под сопок между глиной и песком почти сплошь сочится вода, журчат ручьи, ручейки, ключики. На протяжении всего кривуна — а он не менее десятка километров, — кроме ручьев и ручейков, из сопок в Зею впадает несколько больших ключей, устья которых сильно завалены коряжником, хворостом, мусором. Вдоль русел — сплошь заросли ольховника вперемежку с ивняком. Сыро, мшисто, топко. На одном из таких ключей когда-то, говорят, стояла даже мельничка. «Торбинский ключ».

Все эти воды ежесекундно выносят в Зею песок и глину.

И всё глядишь — там получился обрыв, там полуворонка, там оплыв, там обвал. Зее остается только довершить дело. Те пески, что лежат в виде отмелей, кос и островов ниже Белых гор, когда-то, наверно, покоились в недрах сопки.

Казалось бы, что хорошего в этих подвижных, оплывающих берегах? Много хорошего. Много чистой ключевой воды. Много сосняка, который и сам по себе хорош. Много багульника, что цветет здесь до самого июня. По верхам много дубняка, белой и черной березы, леспедецы. Держится тут и живность. Ведь это не просто «неудобья», где — ни пахать, ни сеять, ни проехать на колесах. Это особый природный комплекс. Из обнаженных недр веет холодком древности и былого разгула стихий. Да и сами эти сопки рождены стихией великого потопа.

Геологами и географами установлено, что Зeya текла когда-то к Охотскому морю. От Амурского бассейна ее отгораживали нынешние хребты Тукурингра и Соктахан, которые в ту пору представляли собой сплошной горный массив. Нынче на стыке их построена Зейская ГЭС.

Когда-то земная кора в низовьях древней Зеи поднялась и сделалась своего рода плотинной, подпруженная Зeya и ее бесчисленные притоки образовали море, которое, наверно, в десятки раз превосходило по объему нынешнее наше Зейское. Так что и в самом деле был великий потоп, когда воды тогдашнего моря, сокрушив «перемычку», устремились к Амуру.

Когда потоп иссяк, пробив через Хинган достаточно широкое и глубокое русло, всплывшие леса там и тут скопились в виде великих заломов и заторов. Покрывшись постепенно слоем ила и песка, они сделались потом каменным углем, который и добывается сейчас в Приамурье.

Ну, а Белые горы? Когда-то было тут морское дно. Сначала осел и слежался ил, а на него нанесло и наметало великие пески. Под давлением песчаных гор ил превратился в то серое и синее, что теперь мы называем глина-синюха, или просто глина. На этой подошве и стоят Белые горы почти от самого Благовещенска до Свободного. «Подошва» так тверда, что лопатой ее не возьмешь — надо рубить или пилить. Вот по ней-то и сочатся воды в виде капель, ручейков, ключиков. Эта глина либо обрывается в Зею стеной, либо бывает подперта и скрыта большою водой. Меня до сих пор не покидает желание напилить из нее кирпичей и попробовать сложить домик. Но больно уж недолговечны и сыры берега.

Наверно, по этой причине — подвижности берегов на всей горной излучине, — не встречал я ни одной землянки близко

от воды. Те, которые видел потом, устроены были на самом верху, почти вровень с яром. Но и они к весне обычно бывали забиты льдом. Такой здесь микроклимат.

Ну, а палатки ставить можно во многих местах. Место нашей стоянке положил Егор Егорович еще в самую первую поездку сюда. Место это выгодно отличается от других тем, что гора тут не угрожает съехать или обвалиться. Давно оплывший склон сильно зарос сосняком, дубнячком, багульником, ольховником, леспедцей и смотрит почти на юг, на солнышко. Тогда как нижнее крыло кривуна повернуто к востоку и даже к северу.

Прямо из-под яра, напоминающего голову глубокого оврага, из сумрачных зарослей ольховника и темнокорого тальника, как в воронку, сходясь в одно место, сочится множество мелких коротких ручейков. Через какой-то десяток шагов из них нарождается настоящий, с собственным голосом и нором ручей. Длина его от истока до впадения в Зею — не более сорока метров, а перепад при этом — метра три по отвесу. Так что ручей почти вскачь бежит под гору и весело шумит. Он, наверно, прорыл бы овражек, но растущий тут ольховник сплошь завалил его отжившими сучьями и стволами. Все это обросло мхом, водолюбивой травкой, молодой ольхой и стало преградой для размыва.

Сюда и приезжали мы потом. Тешились спиннингом, закидушками, сбором ягод и грибов.

Человек, как известно, привыкает даже к пустыне, находя в ней то, что привлекает, очаровывает, не отпускает. А уж к таким местам, как Белые горы, — не хочешь, да привыкнешь, Привык и я. И задумал тут, на ключе-ручье, срубить небольшую избушку. Это же очень просто. Едва прибудет Зея, — по ней несет столько бревен, что успевай только ловить. Избушка была бы хорошей наградой за маяту, которую всякий раз приходилось терпеть на лодочном причале. Кроме того, избушка стала бы наглядным продолжением той разумной традиции, которую заложили наши отцы и деды. Во всех отдаленных, труднодоступных местах они ставили избушки-зимовьюшки для общего пользования. Эти нехитрые пристанища, бывало, спасали здоровье, а то и жизнь не одному поколению рыбаков, охотников и просто заблудившихся. А нынче почему-то все больше — палатки. Но разве сравнится даже самая шикарная палатка с какой-нибудь немудрящей избушкой!

Хорошо, что появился у меня новый знакомый — Борис Александрович. Приехал он откуда-то из Коми АССР. Рабо-

тал в театре, потом на телевидении. Он-то и составил мне компанию на лодке. С ним можно было ездить куда угодно. Человек — на все руки. Из топора суп сварит. А если и поворчит ненароком, тут же и отойдет, даже ласковее становится.

Конечно, рос он не белоручкой. Когда-то восемь лет «отбухал» на Северном флоте, а туда слабаков не берут. Обычно носил он черный берет, который всегда сидел на нем с той неувловимой лихостью, которая свойственна лишь настоящим морским волкам.

Другого, может, и не удалось бы уговорить строить избушку. А Борис — пожалуйста. Избушку, так избушку. А что, в самом деле! Приедешь иной раз, — а тут дожди. В палатке сыро. Или поздно уж, а укрыться негде. Бегай по дождю и потемкам, ставь на ощупь палатку, собирай мокрые дрова, разводи огонь, сушись. А была бы избушка... Ни у кого нет избушки — а у нас будет!

Навигация началась во второй половине мая. Но пока одно да другое, пока Борис отпуск оформил... Приехали мы на наш ручей лишь первого июня. Под ярами в промывах еще белели нерастаявшие наледи, а под ними по склонам и обрывам там и тут лиловел багульник, сверкала молодая древесная листва, цвели запоздавшие черемухи и дикие яблоньки. Хвоя сосен, как бы тонувшая в пене молодой листвы дубков, берез, осин, тополей и ольхи, казалась необычно густой и темной. Словом, и тут, на холодных ярах, уже вовсю дышало лето. Дышали и мы.

Вода стояла небольшая. Бревна по реке не плыли, но их легко было найти на обсохших берегах и косах. Мы сталкивали их в воду и цепляли к лодке, беря и по две, и по три лесины, если они были не слишком толсты и длинны. В забочках и заламах отыскивали доски, плахи, горбыли, тесины и прочее, что осталось от минувших паводков.

Борис, хотя и ухитрился перед этим обжечь до белых пузырей правую ладонь и теперь бинтовал ее, ломовую работу тянул исправно. Вот только топором и лопатой ему нельзя было орудовать. Но если я рубил, колол и копал, он в это время хлопотал насчет ухи, завтраков, обедов, ужинов. Вообще, по части поварской я ему в подметки не годился. Не зря же служил он на флоте.

Дела наши двигались. Метрах в тридцати от воды, на оплывшем косогоре, выкопали котлованчик. Отыскали на берегах лиственничные чурки покомлистей и посмолистей, вкопали их под углы. И вот избушка уже обозначилась первым вен-

цом-окладом, балками, настланным полом. С пола легче было затаскивать и обрабатывать бревна.

Избушка должна была получиться небольшая — четыре на четыре метра. Однако легко сказать... Бревна лиственничные, сырые, в корье, в песке, в грязи, тяжелые. Иное столкнешь в воду, а оно — на дно, как камень. И вот, притащив его по воде, да обтесав, да оскоблив, да убрав все лишнее, мы, как два муравья, тянули эту тяжесть вверх, на косогор. Подложим специальные каточки и — раз, два — взяли! И так весь день — в жару, полуголые, напеченные солнцем. Когда становилось невмоготу — лезли купаться в реку.

Борису, конечно, было труднее, — с обожженной-то ладонью. Бывало, крикнет: «Стой! Ну ее к... Что нам — урок задан?!» А искупается, покурит, пройдетя по берегу под ветерком, проверит закидушки — и опять готов ломить-тянуть... Отступать было бы малодушно: договорились — дело чести.

Ночами опять я чувствовал ту же боль, что когда-то прежде, в дни крестьянской страды, — в руках, плечах, пояснице. Но это была приятная, трудовая боль.

Вечерами беседовали о том, о сем. И об избушке. Зимовать в ней мы не собирались и насчет большого тепла не беспокоились — рубили, не выбирая пазов, лишь бы не было щелей. Углы вязали, как говорится, в охряпку. Это несложно. Бревна клали не на мох или паклю — на обыкновенное сено. В Сретенке, на той стороне Зеи, у знакомой старушки попросили косу. С утра я отправлялся на островок сразу за протокой и накашивал по холодку с копешку сена. В полдень, когда трава немного подсыхала, сгребал ее руками, уминал, увязывал и переправлял к месту строительства.

По-хорошему, надо было сначала наловить бревен, потом уж отбирать их и строить. Но мы это делали по мере добывания материала. И порой выходило так, что «трудные» бревна шли ни в нижние венцы, а в верхние.

Сруб вывели за неделю — по два венца в день. Два дня ушло на совмещенные потолок и крышу, для чего напилили с полсотни коротышей. Иные раскололи, иные обтесали. Все подогнав как следует, уложили на два ската и прибили большими гвоздями. Законопатили щели, настелили обрывков целлофана и толя, набросали надежный слой земли. Из толстых досок сколотили дверные и оконные косяки. Окна затянули марлей, дверь завесили пока куском брезента. У двух противоположных стен устроили нары, у третьей — столик. Вот и готово жилье!

На десятый день, выскоблив поровнее боковину на самом

толстом бревне, химическим карандашом начертали, кто строил избушку, и добавили: «Добро пожаловать!»

Может, кому-то покажется странным, а то и нелепым наше усердие. Ведь сами-то мы могли приезжать сюда всего раза три-четыре за лето. Избушка получалась беспризорной, могли и порушить ее. Не зря же люди, навещавшие нас в эти дни, рассуждали: «Дело хорошее. Но сожгут ведь. Сретенские, конечно, не тронут — там народ с понятием. А вот Источненские...»

В Сретенке, на той стороне, — колхоз. Земли его тоже на той стороне. А Источное, где отделение Москвитинского совхоза, стоит на той стороне, километрах в трех выше избушки. Но тут, где мы построились, — сплошные неудобья: яры, обвалы, косогоры, ключи. Никаких подъездов нет. Мы совхозу не мешаем. Зачем же станут жечь?

Конечно, дуракам закон не писан. И все же мы строили, и построили, надеясь на лучшее. И вообще, хотелось проверить, как люди отнесутся. В конце концов, что-то потеряем, но что-то и приобретем. Да и приобрели уже: лишний жирок сбросили, дыхание наладилось — хоть в гору беги, хоть под гору. И загорели с ног до головы. Ну и, конечно, были довольны, что смогли, одолели нелегкое дело.

У нас осталось несколько бревен. Одно из них — длинное и гладкое, с дуплом, — раскололи пополам и сделали два желоба. Отнесли их к истоку ручья, положили на козелки и направили по ним воду поближе к столу и очагу. А чтобы вода, падающая из желоба, не прорыла яму, поставили под нее деревянный ящик, пойманный в Зее. Этот ящик служил потом холодильником.

До чего же все хорошо получилось! Внутри избушка светила мягким золотистым светом: стены и потолок были чисто отесаны и ошкурены и не успели еще потускнеть. С улицы калило солнцем, избушка просыхала, исходя ароматом смолы и дерева. Вокруг чисто подмели, щепки сложили отдельной горкой: высохнут — будет растопка. Утопанный песок сверкал стеклянными блестками. А вода день и ночь лилась из желоба и журчанием своим навевала мирные, несуетные мысли.

Выше избушки, на косогорчике, посадили с десятков сосенок, а под берегом, где сочилась вода, натыкали ольховых побегов, которые вскоре и прижились.

От реки к избушке взбегала натопанная тропа и, раздвоившись, одним концом утыкалась в двери, другим — в желоб, где сверкала падающая вода. Углом к желобу стоял «брат-

ский» стол. Вдоль ручья росли ольхи, а с другой стороны подступали сосны. Две из них — прямо под окнами. Сама избушка, желтая, солнечная, манила к себе.

Частенько я возвращался откуда-нибудь то ли с чувством пустоты, то ли вины, ибо казалось, что ничего не приобрел, хотя и времени истратил порядочно. На этот раз я так себя не чувствовал.

Когда отплывали домой, не забыли поклониться и «домовому» — принимай, дескать, жильё, хозяин! До скорого свиданья! Домовым был обыкновенный бурундучишка, торчавший колышком на завалинке и, должно быть, понимавший, что мы оставляем свое хозяйство в полное его распоряжение.

До середины июля дела продержали меня в городе. А потом Борис не мог со мной поехать: отпуск у него кончился. Более или менее свободным оказался Егор Егорович. С ним-то и отправились мы в первый раз проведать избушку.

К Белым горам подошли уже в сумерках. Над рекой вздымалась полная, невероятно огромная луна. Но белые яры еще не были ею освещены и казались больше темными, чем белыми. Только самый верхний край горной излучины, где стояла наша избушка, отливал купоросным светом. Зeya у Белых гор разливается широко и течет без всяких протоков и проточек. Раздольный плес с правой стороны весь охвачен полукружьем высоких горных берегов и напоминает гигантскую чашу.

Подплывая к избушке, я выскочил в полосу лунного света и ахнул: в косогоре среди сосен, света и резких теней она казалась прямо-таки сказочной — высокая, с окошком на реку, тихая, ясная, загадочная. А чуть выше и правее, как текучее серебро, сверкала падающая из желоба вода. Едва причалил к берегу и заглушил мотор, как обдало запахом сухого корья, свежего сена и хорошо прогретого смолистого дерева. Это избушка дышала. За месяц, пока я не был тут, все хорошо просохло, как бы устоялось и упрочилось.

У Егорыча были керосин и конюшенный фонарь. Зажгли его, подвесили под матицу и совсем хорошо стало.

На нарах лежало сено и забытое или специально оставленное одеяло. Недавно тут отдыхали мои знакомые, муж и жена, отпускники, — Саша и Алена. Сашу я недавно встретил на улице, — загорелый, свежий.

— В твоей избушке жили, — сказал он. — Спасибо! Хорошо.

— В нашей избушке.

— Не возражаю, — рассмеялся он.

Вот и ладно. Пусть ездят сюда почаще. Избушка всегда под присмотром будет.

Разживили костерок, поужинали, улеглись спать. Тихо. Даже комаров не слышно — в этих местах, где сочатся холодные воды, комарам «не климат». За порогом ведет свой бесконечный монолог ручей. Иногда пискнет какая-то птица, прошуршит за стеной ночной зверек, плеснется у берега рыбешка. И снова тихо-тихо.

Утрами в этих местах довольно свежо. Желоб, по которому бежит ручей, слегка парит, будто дымит. Над протокой стелется плотный белый туман. А на траве, на древесной листве, на хвое и даже на голой утоллке возле избушки сверкает тяжелая роса.

Когда туман лениво отрывается от протоки и розовеет в свете восходящего солнца, когда избушка озаряется первыми его лучами, на «братском столе» у нас уже дымится полевой завтрак.

Избушка и в самом деле стала желанным пристанищем для всех, кто доплывал сюда. Многие оставляли записки: дескать, благодарим за приют, иные писали прямо на стенах: «Мы ночевали здесь. Спасибо!» И, право, было приятно.

Правда, были на стенах и другие надписи. К примеру: «Гришка, ты дурак и не лечишься...» Или «Мы пираты...»

Эти «пираты» были, конечно, местные ребяташки. И раньше они наведывались к нам из Источного. Иные держались робко, иные с этаким деревенским превосходством — нам, мол, это все не в диковинку, а вы ездите сюда аж вон откуда! Иные даже были недовольны, поскольку считали эти уголья своими. Без нас им лучше было. Это отношение, скорее всего, было посеяно кой-какими взрослыми.

Как-то навестили нас два подростка лет по пятнадцати. Поздоровались, уселись на чурках, молчат.

— Что молчите, гости дорогие?

Гости переглядываются, потом один спрашивает:

— А вы... это... Долго еще тут будете?

— Денька два. А что?

— Да мы хотели одному парню тут день рождения отметить.

— Отмечайте, что ж. Только уж вы тут по-хозяйски...

— Ну, понятное дело!

Угостили мы их чаем. Один куда-то в сторону поглядывает. Другой себе под ноги.

— А если ее сломают? — кивает он на избушку.

— А зачем?

— Или трактором спихнут.

— Она что, мешает кому-то?

— Да нет. Я так вообще...

Когда они ушли, Борис, с которым мы в тот раз приезжали сюда, кивнул вслед и хмыкнул:

— Слыхал? Наверно, у них там уже решено, как быть с нами...

Позже узнали, что в нашу избушку наведывались жители Источного и Сретенки. Молодежь пела, купалась, загорала. Мужики под уху пили не только воду из-под желоба, «драли песняка», вели беседы. И некоторые жены ругали «своих» за то, что они повадились ходить в избушку.

Другой раз, когда мы сидели за чаем, мимо избушки по берегу прошла стайка девочек, уже достаточно взрослых. Сначала слышно было, как они, купаясь, смеялись и повизгивали. Потом вдруг донесся вопль:

— Тонет! Тонет! Помогите!..

Первым поспел к месту бедствия наш друг Леонид, художник. Ноги посбивал, пока бежал босиком по берегу, зато спас живую душу. Чью-то дочь, подружку, невесту, человека... Может, одним этим наша избушка окупила себя на веки вечные.

И вот, оказывается, она кому-то мешает. Какой-то источенский мужик, дремучая душа, подговаривает односельчан сгубить избушку. Но мнения, говорят, разделились. Одним она не мешала. Другие считали, что она сюда приманивает лишний народ. А лишний — он и есть лишний.

Больше всех, как выяснилось, избушка мешала охотнику, который ставил тут ловушки на колонков и норок. Это его землянка стояла в полукилometре отсюда, на глухом косогоре. Даже в несезонное время там часто постреливали. Особенно на зорьке. То ли на солонцах, то ли на переходах к водопою. Так что мы и впрямь кое-кому мешали.

Мы и раньше допускали такое. Однако в виду при этом имели совсем уж, так сказать, чокнутых, которым вообще все мешает. О деревенских думали лучше. Да и не спрячешься в деревне, — все равно известно станет, кто напакостил. А городские «бухарики» в такую даль не заплывали. Природа им «до лампочки». Они свои делишки справляют обычно где-нибудь на окраине города, в коллективных садах.

— Я слышал, — сказал однажды Борис, — что всякие избушки и землянки теперь официально запрещаются. Вот и жгут их.

Я тоже слышал. Например, лесоохранники-пожарники давно уж жгут и ломают их. И делается это во имя «спасения природы». Дескать, не будет в лесах и на берегах никаких пристанищ — люди сюда ездить перестанут, меньше будет пожаров и вообще хлопот по охране. Вот уж, воистину, с водой, как говорится, выплеснут и ребенка.

Знакомый житель села Загорная Селитьба однажды сказал мне:

— Свободненский охотинспектор подговаривал наших мужиков пожечь охотничьи землянки. А мы думаем: э-э, нет...

И рыбные инспектора тоже не прочь уничтожить рыбацкие пристанища, лишь бы легче «работать» было. Словом, жечь есть кому. Дурное дело нехитрое. Куда трудней разумный порядок наводить.

Но избушка простояла в целости и всю зиму. Зимой в ней обитали местные и приезжие рыболовы. Вот и хорошо. А следующим летом надумали мы построить тут еще и баньку. Мы — это, кроме меня, — Борис, Леонид и еще Миша — механик по элеваторам.

Больше всех для баньки порадел Миша. Парень он сообразительный, шустрый, любое дело в руках горит. При этом Миша все делать предпочитает персонально и ответственно, ибо не может терпеть обычных темпов.

— Шевелятся, понимаешь, как мухи сонные! Перекур за перекуром. А то, глядишь, поддавать начнут. Да я один за пятерых таких сделаю...

И делает.

Обычно Миша трудился где-нибудь на ответственном участке по две, по три смены в сутки. Особенно перед уборкой хлеба, когда все на элеваторе должно работать «как часики». Потом ему давали отгулы, и он наезжал к Белым горам. Но и тут не сидел на месте — все хлопотал да придумывал что-нибудь. Такой человек.

За каких-то три дня Миша наловил, натаскал на лодке лесу целиком на баньку. Каждое бревешко выкатил на сухое место и обработал. Еще и рыбалить успевал. Когда подъехали и мы с Борисом, весь берег напротив избушки светился белыми и желтыми бревешками.

Благодаря Мише баньку мы соорудили вдвое быстрее, чем избушку. И каменку сложили, — на косах камни собрали. Установили бочку — греть воду. Настелили хороший полок, чтоб сразу человека три могли париться. Лавки поставили.

И вот банька действует. Сквозь двери мы слышим, как шипит и ревет пар, как стреляют камни, как лихо покрикивает и работает веником Миша. Потом дверь распахивается, и весь розовый, дымящийся Миша выскакивает к желобу с водой. Черпает воду ковшом, обливается, крякает и опять — в баньку. Во все щели и из окошечка, как из паровоза, валит пар. Минут через десять Миша вновь выскакивает, мчится к реке. Ахая и ухая, исчезает под водой.

Так потом и парились все, кто приезжал сюда. Бывало, устанешь за день, пропотеешь, от комаров натерпишься. А как напаришься да ухнешь с разбега в воду — до чего теплой и ласковой кажется река! Какая легкость в теле!

Однажды после баньки сидели мы за нашим «братским столом». А напротив, на другом конце стола, колышком торчал полосатый сосед бурундучишка. Тоже застольщик.

Я и раньше замечал: когда у человека доброе расположение духа, животные это чувствуют и меньше боятся. Много стало бурундуков с тех пор, как мы подселились к ним. У всех, кто жил тут или ночевал по пути, что-нибудь да оставалось для них. И надо было успеть все это в норки запрятать.

Вот сидит зверек в двух метрах от нас, на краю стола. Глазки его, похожие на яблочные семечки, смотрят как бы во все стороны сразу и на нас — тоже. У него сложное положение. Инстинкт заставляет во что бы то ни стало запасти корм на зиму — дело жизни и смерти. Он должен взять все, что можно, и даже идти на риск. Он понимает, что в банках на столе — не его, а наша крупа, наша вермишель. Но раз мы так беспечно ведем себя, не прячем все это в нору, не отгоняем никого, то, может, у нас этого добра сколько угодно и нам ничего не стоит поделиться? Но опасно, конечно. Надо быть настороже.

Собрав кое-что со стола, бурундук неожиданно юркнул в кружку, где была вермишель и мигом уселся там в такой позе, будто всю жизнь так и сиживал. Кружка большая, с цветочками. А в ней полосатый господин сидит. Половина его в кружке, половина снаружи. В передних лапках он держит пучок вермишелинок и быстро дробит их передними зубками, заполняя защечные мешки, не забывая следить и за нами, и за всей округой...

Видели мы в этих местах и колонков, и белочек. Даже норку видели, — это она как-то повытаскивала у нас из садка всех пескарей и синявок. Поднявшись на горы, можно увидеть кабаньи покопки и козьи следы. Кое-кто видел здесь и рысей. А Егорыч говорил, что однажды проснулся от страшно-

то рева. Вышел из палатки и видит: на столе — рысь, а под столом — кот, которого он взял с собой на природу. Оба режут благим матом.

Хорошо провели мы у нашей избушки времечко. И кого только не бывало у нас в гостях!

Миша Чупин грозился даже устроить свое электричество — вывести воду ручья по желобам на самый обрыв берега и установить под водопадом малую турбинку, лампочки на двести. Больше нам и не требовалось.

Из здешней глины иногда лепили мы разную посуду и обжигали ее на костре. Из пустых банок ладили ветряки и флюгера. Как-то я вылепил из глины скульптурный портрет Егорыча, и он сказал, что «похож». Но потом какой-то озорник, склонный к натурализму, испортил его.

Забавы наши здесь ни у кого не вызывали отрицания. Отдых, раскованность, шутка, выдумка. И чтоб красиво было. Художник Павел, обычно приезжавший сюда с Леонидом, однажды изобразил нашу избушку на картоне. Увековечил. Еще была мечта получше украсить, расписать избушку.

Многие приезжали сюда. Все были довольны, никто ничего не рушил, не портил. Открытое для всех жилье само побуждало уважать и беречь его, содержать в чистоте и порядке.

И новой зимой цела была избушка. А в марте, после темной метельной ночи, знакомый летчик, пролетавший всякий раз над этим местом, увидел, что избушка и банька сожжены. Две черные груды и дымок... Пострадали и сосны.

Сожгли все начисто. Специально. И погоду выбрали самую разбойную.

Я уже говорил, что мы и раньше допускали такое. Но после того как избушка простояла почти два года и все большую популярность обретала, мы поверили, что здравый смысл и добропорядочность восторжествовали. И вот — сожгли-таки. Канистра бензина. Ночь. Метель. Подлая душа...

2.

Так окончилась недолгая история нашей избушки. Может, и не стоило бы столько думать и рассуждать об этом, но поневоле много всяких вопросов возникает. Ведь, похоже, не просто сожгли ее, а, так сказать, во имя «спасения природы». Ибо и землянки, которые еще оставались на островах, тоже вскоре были сожжены. А это уж не случайный разбой, — а

«по закону», во имя «высшей цели». А что сосны попутно сгорели — это ведь такой пустяк. В 1981 году весной, в том месте, где прячется землянка источненского охотника, выгорел весь косогор. Погибли сотни прекрасных сосен.

И тут есть над чем подумать.

Нет, не затем природа охраняется, чтобы никто, кроме охранников, не пользовался ею. Никто не перестанет ездить и ходить куда-нибудь подальше от городского шума и пыли. Да еще при такой малой плотности населения, как у нас, на Дальнем Востоке. Регион, включающий Дальний Восток и Якутию, насчитывает шесть миллионов человек. А площадь его — около шести миллионов квадратных километров. Значит, в среднем по квадратному километру на человека — по сто гектаров на душу! И при таком обилии земли «выжигать» человека из леса, с рек и озер? Помилуйте!

Вообще, при чем тут избушки и землянки? Наоборот. Если бы люди останавливались где-то в определенных местах, порядка и ответственности было бы неизмеримо больше, чем при «выжигании». И спросить было бы с кого, если что-то не так. Но когда облюбованные и оборудованные становища специально рушат и выжигают, то люди потом останавливаются где попало и жгут в кострах все, что под руку подвернется. И рубят тоже. И некому за это ответить. Ведь она, природа-то, — вся наша! А конкретно ничья. Ездить на нее никто еще не запретил. Наоборот, все время призывают к турпоходам, к вылазкам на природу и так далее. Только вот «охранники» не справляются, не успевают. Вот и запарились до того, что иного выхода, кроме как жечь, ломать и отваживать людей от постоянных пристанищ, не приходит в голову.

Как-то по телевидению показывали леса и озера одной из прибалтийских республик, рассказывали, как обстоит там дело с охраной природы и отдыхом людей. Так вот. Тамошние охранители специально строят в лесах избушки-приюты, чтобы людям было где остановиться в лесу. А раз человеку идут навстречу, то и он старается добром ответить. Живя в отведенном ему местечке, он отвечает здесь и за порядок, и за сохранность природы, и других одернет, если они поведут себя нехорошо. И спросить всегда есть с кого. В данном случае природную среду охраняет не только и даже не столько специальная служба, сколько сама общественность, народ, как действительный хозяин, для которого, собственно, и создаются всякие службы. А когда этого хозяина заранее объявляют разрушителем, не доверяют ему и гонятся за ним чуть ли не с дубьем, — то вынуждают его приспособливаться временно. Вот и

получается не хозяин, а безответственный временщик, ни за что не радеющий.

Давно доказано, что природа — не только прекрасный целитель души, не говоря уж про тело, но и воспитатель, дающий мудрость, доброту, понятие красоты, истинное чувство любви к родине, и значит, — боль и ответственность за нее. Особенно важно это в отношении подрастающего поколения. Отсюда ясно, сколь разумно и дальновидно поступают наши прибалтийские товарищи. А ведь там у них лесов и рек куда меньше, чем в наших таежных краях. Меньше, а все же сочли нужным не ломать лесные пристанища, а наоборот, благоустраивать их и предоставлять в ответственное пользование людям. Это и есть разумное сочетание заботы о людях и природе, как едином комплексе.

И даже не столько, может, о природе тут заботы, сколько о людях. Вообще, то, что не согласуется с нормальными запросами и потребностями, что противоречит традициям и совести, — все это порождает в душах отнюдь не оптимизм. Это может только наносить вред. Люди перестают чувствовать себя коллективистами, хозяевами и постепенно перестают верить даже в разумные мероприятия. Иные в результате становятся просто циниками, живущими одним днем.

Вот и в этом случае... Люди хотели бы иметь где-нибудь постоянное пристанище. Пусть это простенькое жилье было бы зарегистрировано где-то и узаконено. Пусть тот, кто наезжает сюда, нес бы полную ответственность за чистоту, порядок и пожарную безопасность в этом месте. И за другими следил бы исправно, ибо с него и за других можно спрашивать: ты здесь обосновался — ты и отвечай.

А спрашивать-то не с кого. Все теперешние так называемые места «массового отдыха», в сущности, ничейные. Конкретно никто ни за что не отвечает.

Когда-то так обстояло и с пашней. «Наша» земля. Один пахал, другой сеял, третий урожай снимал, четвертый отчитывался, пятый заслуги определял. Все, вроде бы, трудились и даже отличились, а поля, глядишь, заросли сорняком и урожаем мизерный. Спросить не с кого. Потом поняли: так негоже. Землю и другие угоды закрепили за хозяйственно-ответственными лицами. И та же земля стала чище, хлеба дает намного больше. И видно стало, кто добрый и ответственный хозяин, кто мастер, а кто ловкач и пустозвон. У земли появился действительный хозяин.

А разве земли, предназначенные для радости, для отдыха и здоровья, не заслуживают конкретной ответственности?

Разве плохо, что кто-то предпочитает отдыхать в избушке, за свой счет, что государство не обслуживает его отдых, не тратит на него денег? Разве лучше было бы, если бы он клянчил путевки, тратился на билеты, торчал в очередях, перегружал транспорт, а потом занимал какое-нибудь дорогое жилье, и врачи за ним ходили, и обслуга всякая?

Людей, предпочитающих отдыхать без лишних затрат и обслуги, — миллионы. Денег, которые за счет этого экономит государство, — сотни миллионов рублей. А что касается здоровья и душевного комфорта, то их вообще никакими деньгами не измерить. Не зря же в последнее время такое большое внимание уделяется развитию туризма, индивидуальному отдыху, борьбе с шумом и скученностью. Такого индивидуального туриста не преследовать нужно, а наоборот, создать ему условия, как в той же Прибалтике.

Было бы несправедливо забыть о том, что в последние годы много построено у нас ведомственных баз отдыха (турбазы), домов рыбаков и охотников, оздоровительных лагерей, не говоря уж о новых курортах, санаториях, домах отдыха. Средства на это отпускаются колоссальные. На это работают целые армии строителей, культработников, врачей и других специалистов. Не зря же все чаще теперь употребляется такое понятие как «индустрия отдыха» (не знаю, правда, кого как, а меня это коробит).

Итак, индустрия... Сельское хозяйство у нас тоже стало индустриальным. Но это вовсе не исключает подсобных или индивидуальных хозяйств, садовых участков, огородов. Напротив, это все больше поощряется. Даже в зеленых зонах городов разрешается устраивать сады, содержать скот и птицу. И неудобья в результате обретают разумное устройство, покрываются садами, травами, лесом, даже прудами. Кстати сказать, наверно, было бы неплохо, если бы землеустроительные организации устраивали землю и для подсобных, для личных хозяйств и садов.

Небольшие личные хозяйства, сады и огороды в идеале надо бы рассматривать не только как подспорье для государственного стола, как активный отдых, освященный осмысленным творческим трудом, дающий физическую и духовную закалку, но и как своего рода школу для подрастающего поколения. Это возможность для нынешних ребятишек набраться уважения к земле, к животворящим тайнам природы. То есть всякий обрабатываемый и украшаемый участок земли воспитывает еще и личность. Отсюда-то как раз и начинается хозяин, — как в малом, так и в большом.

Сейчас повсеместно люди пользуются двумя выходными днями в неделю. И если не хозяйствовать на своем участке, не устраивать, не украшать землю, не родниться с природой, то чем же заниматься, имея так много свободного времени? Отдыхать «вообще» и обрастать жирком? Или водку хлестать?

Громаднейшее социально-нравственное значение должны иметь эти два выходных дня!

Несколько лет назад благовещенские архитекторы построили себе в районе Мухинки, по своему проекту, коттеджик для отдыха и творческих занятий. Обошелся он в копеечку. Пожили они немного там и перестали ездить. Что-то не то! Затрат много, хлопот много, а пользы и удовольствия незаметно. И передали кому-то коттеджик с баланса на баланс.

Подобные сооружения обходятся очень недешево, особенно для небольшого коллектива. И охранять их надобно, и отапливать, и ремонтировать вовремя. Да и что за отдых, тем более — творческий, если ты опять же оказываешься в «массе»?

Но попробуйте заикнуться о том, чтобы построить, скажем, домик рыбака индивидуально, как те же архитекторы возрадят вам: «Не положено. Только по нашему проекту». То есть обойдется опять-таки в копеечку, и не каждая организация может раскошелиться. Ну а бревна... мало ли, что бревна плывут по Зее. Мало ли кое-чего по берегам валяется. Пусть это дармовой материал, но строить из него, да еще по-своему, никто вам не разрешит. Вот вам и индивидуальный отдых!..

Турбаза облпотребсоюза в районе Белогорья обошлась в 186 тысяч рублей. А там всего 30 «койкомест». При базе — заведующий, две уборщицы, прачка, три или четыре кочегара, еще кто-то. Ежегодный убыток — 15 тысяч рублей. Вот это «индустрия» отдыха! Одно «койкоместо» обошлось более чем в 6 тысяч рублей! Да еще пятьсот рублей в год дополнительного убытка. Что же это за золотые отдыхающие! И отдыхающие ли?

Такое же положение с другими подобными базами, которых неподалеку от Благовещенска, особенно в районе Мухинки, настроено уже много. Почему они не окупают себя, а наоборот, приносят убытки? Да очень просто. «Массам» часто не очень хочется проводить отпуск вроде как в общежитиях, хотя и места рядом красивые, и подъезды удобные. Больше тянет отдыхать индивидуально, по-своему. Вот это и надо учитывать, если проявлять настоящую заботу.

Вопрос этот не праздный и непростой. Меняются времена—

меняются запросы, отношение к тем или иным факторам. Например, о вреде шума для человеческого здоровья когда-то не было речи. А теперь? Лишний да еще постоянный шум разрушает не только стены, не только окна дрожат от него. Разрушается и живой организм. Замечено, что шум легче переносят те, кто не очень обременен умственно. Так не равняться же на них! Не зря в одной статье в «Литературной газете» говорилось, что сила шума, которую способен воспринимать человек, обратно пропорциональна его умственным способностям. Шум преследует нынешнего горожанина везде — на заводе и фабрике, в театре и в кино, дома у телевизора и на стадионе, в автобусе и в магазине. А что уж говорить о ресторанных и некоторых эстрадных оркестрах, всегда готовых сокрушить и стальные слуховые перепонки.

Словом, шум и всякая колгота давно уж стали серьезной помехой здоровью. Потому и становится все меньше охотников отдыхать в многолюдье, шумно, пусть даже весело. На той же турбазе, о коей шла речь.

Как-то надо мне было попасть к оздоровительному студенческому лагерю Благовещенского сельхозинститута. По ошибке вышел я к той самой турбазе. Большущее кирпичное здание! И всего 30 «койкомест». Невероятно. Когда я постучался, чтобы спросить дорогу, двери открыла пьяная растрепанная женщина и зашумела:

— Куда лезете! Никого не пущу!

Кто же тут отдыхает? Для кого ухлопано столько денег?

Институтский лагерь, как оказалось, тоже большей частью пустует. А обошелся он в 400 тысяч рублей.

Года три назад профком сельхозинститута обратился в горисполком с просьбой выделить участок под сады, рядом с турбазой завода «Амурэлектроприбор». Желающих набралось человек пятьдесят, в том числе несколько фронтовиков.

Не ожидая официального решения, мой давний знакомый, преподаватель института Генрих Макарьевич, решил затратить подоспевший отпуск на устройство садового домика. Грешен, и я присоединился к нему, полагая, что буду потом приезжать сюда работать вдали от шума городского. Ведь избушку нашу тогда уже сожгли.

В высоком отвесном берегу прокопали взвоз. С помощью лодок доставили подручные бревна. Как раз была малая вода и многие лежавшие на дне топляки оголились или стали видны. Кое-что валялось по берегам и косам. Чем не строительный материал?

Где вдвоем, где с помощью домочадцев Макаръича вытащили бревешки на луговинку, вкопали стояки, начали возводить сруб.

Целый месяц, пока мы тут тюкали топорами, загорали, купались и отдыхали, на соседнюю турбазу в будние дни не приезжал никто. Да и в выходные — человека три-четыре. Рядом виднелась другая турбаза — покрупнее. Там что-то еще было недоделано, и туда вообще никто не наезжал. То есть обе базы пустовали. А те трое-четверо, которые наведывались, обычно садились в лодку и уплывали на ту сторону протоки, в кустики. Чаще и ночевали там.

А вот в «Нахаловке», что прилепилась на скалистом берегу, чуть выше, ежедневно виднелся народ, то и дело подъезжали лодки. Эти легкие дачные домики прозвали «Нахаловкой» потому, что люди построились тут самовольно. С более удобной земли их погнажи бы. А тут — камень, неудобья. Впрочем, и «Нахаловку» грозились ликвидировать. Но люди отстояли ее. И вот стоит она, радуется хозяев. И ездят сюда многие.

Все факты и наблюдения подтверждают, что нынешний отдыхающий человек предпочитает узкий круг друзей-товарищей либо семейное общество. Именно это и учло руководство Белогорьевского силикатного завода, когда решало вопрос отдыха рабочих и ИТР. Завод строит для отдыха отдельные домики. Кирпичные. Долговечные. Рядом — лес, озеро, несколько соток земли, которая, конечно же, не остается без внимания. Каждый домик стоит примерно 1100—1200 рублей, а разместиться в нем могут несколько человек. Уже два года назад таких домиков было десятка четыре, и они не пустовали. «Еще будем строить», — сказали мне в профкоме.

Вот тут — и внимание к людям налицо, и государству не накладно. Ведь каждый домик на несколько человек в шесть раз дешевле обошелся, чем одно только «койкоместо» на турбазе облпотребсоюза. Что же касается внимания к отдыхающему человеку, его и сравнивать невозможно.

Генрих Макаръевич полагал, что и у него будет стоять домик на садовом участке. Да и заслужил, надо сказать, — фронтовик, участник парада Победы, почти тридцать лет отдал преподавательской работе, детей вырастил и выучил. А вот не вышло с домиком-то, пришлось бросить его недостроенным. Не разрешили строиться на том участке. На обращение Генриха Макаръевича в горисполком пришел отказ с такой мотивировкой: «...указанный район согласно генплану отнесен к зоне массового отдыха граждан». Вот такая логика.

О «массовом» гражданине забота вроде есть. А о конкретном гражданине, даже если он заслуженный человек, — нет. Но «массовый гражданин» — понятие весьма растяжимое. К тому же там, где строилась избушка, никто не отдыхал «массово». С одной стороны — обрывистый берег, ни взобраться, ни спуститься, с другой — крутой косогор, с третьей — низина, заросшая чернолесьем, с четвертой — упомянутая «Нахаловка». И от города, считай, тридцать километров.

«Массовый гражданин» — это, конечно, звучит. А коллектив разве не гражданин? Отдельный гражданин разве не в счет? Тем более, что никто и не претендовал на всю зону «массового отдыха».

Что-то тут не то. К тому же несчастная эта зона, на которую ссылались, отнюдь — не рай. Дикая, беспризорная, совершенно неустроенная часть побережья, которая принадлежит всем и никому. И никто за нее не отвечает.

Еще раз напомним, что нынче даже в зеленой зоне городов разрешается заводить сады, держать пчел и кой-какой скот. Почему же этого нельзя вдали от города, в неудобьях? Тем более, что на Дальнем Востоке так много свободной земли и так мало еще населения. Да будь здесь в десятки раз больше жителей — и тогда всем простора хватит, лишь бы хватило ума ладить с землей и природой.

Мы каждый год вербуем на Дальний Восток переселенцев из западных районов страны. Затрачиваются огромные средства. Но часто получается так: сколько приезжает, столько и уезжает. Ибо жизнь здесь потрудней и подороже, чем, скажем, на Украине, на Кавказе или в Средней Азии. Бывает, уезжают и старожилы. И, видимо, в числе других причин — и та, что не всегда внимательно относимся мы к запросам людей, которые хотели бы пустить здесь поглубже корни. Тот же уникальный уголок природы — Мухинка — фактически отдан на откуп строителям тех самых турбаз, на которые тратятся громадные средства и которые себя не окупают.

Когда человек посадит своими руками сад или хотя бы несколько деревьев, устроит хоть небольшой клочок земли, — это место становится ему ближе и дороже. Именно отсюда, как уже говорилось, идет чувство хозяина, чувство родины, патриотизма, гражданственности. С такого места человек не вдруг сорвется, как перекасти-поле, — оно привязывает и побуждает заботиться о нем. А если у человека только казенная квартира, похожая на тысячи таких же в других городах, и больше — ничего на земле, что же его привяжет, заставит болеть за землю?

Вот и надо бы помогать человеку прирастать к земле, в данном случае — к дальневосточной.

Об устройстве и здоровье земли говорят и пишут давно и много. Говорят деловым языком и научным, языком публицистики и высоких декретов. Хотя до сих пор, в силу застарелой привычки, можно услышать слова о «покорении природы» или о том, что «и на Марсе будут яблони цвести».

Возможно, и на Марсе когда-нибудь что-то зацветет. Возможно. Но то, что наша Земля далеко не везде и не всегда цветет, как она может и как надо бы ей, — это бесспорно. Сколько еще не устроенных, не вылеченных, не оживленных, не поставленных на пользу и радость людям пространств! И одним лишь полевым устройством тут не обойтись.

Устройство земли в широком смысле — это устройство и нашей жизни. По нынешним временам и понятиям, мало построить город, завод, село, дорогу, животноводческий комплекс. Надо еще все устроить так, чтобы каждый предмет, объект, клочок земли хорошо служил и практическим целям, и радости нашей, и здоровью, не являлся бы помехой или гибелью для природы. Там, где стоять домам — пусть стоят. Где нужна дорога — пусть идет. Где могут расти хлеба — пусть растут и прибавляют в урожайности. Там, где голые пески, да будут посажены леса. Пусть растет все, что нужно людям, пусть строятся водохранилища и разводятся рыба. Пусть не зарастают озера, не мелеют реки, а там, где земля жаждет влаги, — пусть получит ее. Все это возможно и достижимо. И если мы при этом не оскверним природу, не принесем ничего вредного, земля не поскупится. Она явит чудо.

Так должно быть. Но много ли земли устроено именно так? Если она только распахана и проложены по ней стежки-дорожки, это еще не устройство. Если даже нарезаны поля севооборотов и прорыты осушительные каналы, — и это еще не устройство. Ведь остаются еще всякие неудобья — колдобины, промоины, мочажины, голые участки, бездорожье. Устройство земли только тогда подлинно, когда оно комплексно, с учетом всего и вся. Если посмотреть на вещи реально, землю надо еще устраивать да устраивать. Даже внутри городов и сел не все предусмотрено и устроено. Можем ли мы, например, сказать, что сточные воды всех городов проходят должную очистку и, стало быть, наши реки принимают только первородную «аш-два-о»? Нет, нельзя. Стоки эти обезвреживаются лишь от инфекции, а что касается вредных химических веществ, многие из них остаются. Растворы моющих веществ

и всякого рода нечистоты из тысяч квартир перекачиваются и выливаются в реки только частично обезвреженными. Да еще мазут, солярка, бензин... Да гербициды, да минеральные удобрения на прилегающих к берегам полях... Конечно, реки способны самоочищаться. Но далеко не от всего, что попадает в них.

От ветеранов гражданской авиации не однажды я слышал, как в свое время, когда дуст ДДТ был еще в обиходе, им доводилось рассеивать этот порошок с воздуха не то что тоннами — вагонами (боролись с вредителями леса и энцефалитным клещом). И, если этот дуст, преодолев моря и океаны, даже в Антарктиду проник, то как же он мог миновать бассейн тех рек и речек, где рассеивался в таких количествах?

Удивляться надо не тому, что рыбы и птицы стало мало, а тому, что бедная эта живность еще сохранилась.

Вредный порошок давно уж запрещен. Остались, так сказать, только последствия. Теперь применяются как будто менее вредные средства защиты лесов и растений. Зато — во все возрастающих количествах. Особенно в сельском хозяйстве. А поля, прилегающие к рекам и озерам, нигде не обвалованы, и все, что стекает с них или выдувается ветрами, непременно попадает в воду. Да и с воздуха, когда поля обрабатывает авиация, в воду сыплется немало всякой всячины.

Служба ихтиологов, рыбинспекции и протест отдельных граждан на фоне столь мощной химизации выглядят иногда как детские рогатки рядом с атомной бомбой. Увы! Не рыболовы истребили рыбные запасы в реках, не лишние крючки на закидушках. Не только из-за браконьеров большие и малые стаи покидают белый свет.

Защита земель и природной среды в нашей стране ныне стала государственной заботой. Только в последние годы на этот счет принято несколько важных декретов. Однако соблюдение их не везде и не всегда соответствует уровню поставленных задач. Да и средств в руках защитников пока мало. На внедрение производственной, хозяйственной и бытовой химии средства тратятся колоссальные. А на борьбу с вредными побочными явлениями и браконьерством — куда меньшие. С одной стороны — могучие главки, объединения, тресты, заводы, крупные хозяйства, в общей сложности осваивающие миллиарды рублей на внедрение химии, с другой — скромные по штатам и ассигнованиям службы охранителей природы.

Все острее становится вопрос о комплексном подходе в решении тех или иных задач. По существу, нет в теперешней

жизни сколько-нибудь значительных проблем, которые можно было бы решать иначе, чем комплексно. Пожалуй это — вопрос вопросов, ибо он имеет колоссальное значение и для экономики, и для социальных задач, и для нравственно-эстетического воспитания, и для всего нашего будущего. Накопилось уже немало отрицательных последствий от узковедомственного подхода. Например, одни ремонтируют улицу и покрывают ее асфальтом. Другие следом долбят асфальт, копают траншею и ведут теплотрассу. Третьи, после того как улица опять восстановлена, роют свою канаву, чтобы проложить кабель. Все выполняют план и «осваивают средства». И даже премии получают.

Или такой пример: Чигиринское водохранилище под Благовещенском. На эту водорегулирующую систему и прилегающее землеустройство было затрачено около двух миллионов рублей. Образовалось водохранилище с зеркалом воды почти в 50 гектаров. Стараниями общества рыбаков и охотников водоем был заселен сеголетками сазана и карася. Через год-другой стало столько рыбы, что сюда хлынули толпы городских рыболовов. В иные дни наезжало до 600 человек. Путь стоил всего один рубль. Если бы так пошло дело, через несколько лет одной только рыбой можно было бы окупить значительную часть вложенных затрат. Но ведь водохранилище служит еще и совхозному овощеводству, которое приносит сотни тысяч рублей дохода ежегодно.

Сначала водохранилище опекало то же общество рыбаков и охотников. Потом его стал домогаться Чигиринский совхоз, по праву хозяина угодий. И добился своего. И теперь сюда наезжало много любителей-рыболовов. Но новый хозяин повел себя иначе, чем прежний. Он тоже рыбачил. И отнюдь не удочками, а сетями и неводами. Черпал рыбку, торговал и сам питался. Но черпать-то черпал, а следить, видать, некогда было. И вот (это было зимой 1980 года) почти вся вода ушла. Сверху, по льду, было незаметно. Но как-то провалилась машина, и оказалось, что подо льдом — пустота. А на дне — слой мертвой рыбы.

Чтобы спасти положение, общество рыбаков и охотников опять взяло водохранилище в свои руки. Пришлось опять зарыблять водоем. А средств у общества мало. Правда, и на безрыбье, летом того же года, доход от путевок составил пять тысяч рублей. И еще предстоит обществу бороться с отравой. На склонах полей выше водоема вносятся химические удобрения. А из совхозных ферм стекает в водоем неочищенная жижа. Анализы показывают, что содержание аммиака в воде с

той стороны водохранилища превышает норму в 15—20 раз, и рыба тут гибнет.

Случай с водохранилищем — не единичный, а типичный пример того, как оборачивается дело, когда оказывается в руках некомпетентных хозяев. Соприкасались тут и строители плотины, и общество рыбаков и охотников, и совхоз, и рыбная инспекция, и ихтиологи-биологи. Не было только единого хозяина. А у семи нянек дитя без глазу.

Пример водохранилища говорит и о другом. О том, например, как мощно использует свои производительные силы природа, когда ей не мешают. Это же поразительно: довольно крупный водоем не только стал украшением округи и освежителем воздуха, но очень быстро наполнился прекрасной рыбой. Фактически были созданы только нормальные условия. А дальше природа сама знала, что делать. И делала.

И разве не трагикомично, что благовещенцы, живущие на двух великих реках, как голодные ринулись на искусственный водоем? До 600 человек в день! Истосковались, бедные, по рыбалке, ибо в великих реках не так-то просто стало поймать даже мелкую рыбешку. Давненько она уж не размножается и не выживает там в прежних размерах. Не могут икринки, мальки и всякие донные козявки, служащие пищей для рыбы, противостоят вредным примесям, которыми наш век так щедро снабжает атмосферную и наземную влагу. Совершенно уверен, что если мы когда-нибудь добьемся того, что наши реки будут чисты, рыбы станет сколько угодно. Вообще, иметь такие «фермы» и сидеть без рыбы — и нелепо, и бесхозяйственно.

Но самый близкий путь к рыбе в наше время, — это, видимо, строительство и зарыбление новых, устройство и оздоровление природных неречных водоемов. Ведь реки оздоровить труднее — они тянутся на тысячи километров и перекрыть тут все пути попадания вредных веществ не так просто. Да и не стоят реки — текут и разносят то, что попадает в них. Другое дело — пруды и озера, где по-хозяйски поставлено дело. Доказательством тому могут служить многие водоемы, созданные в последние годы в нашей области. К сожалению, почти нет грамотных специалистов по этой части. Фактически встает вопрос, чтобы в хозяйствах имелись не только привычные теперь специалисты — агрономы, инженеры, зоотехники, ветврачи, но и ихтиологи-рыбоводы. Значит, учебные заведения должны ориентироваться и на это. Настало время.

Вода, земля, воздух, жизнь... Все это связано так, что бе-

речь одно и забывать о другом — по крайней мере неразумно. Во имя всевозрастающего плодородия, а значит и нашего благополучия, в стране создана и продолжает создаваться мощная индустрия производства различных средств для повышения плодородия. Вся эта индустрия, подобно гигантскому поезду, все набирая скорость, идет по намеченным рельсам. Этот процесс не остановить, ибо он необходим и закономерен. Иначе мы не возьмем два и три колоса там, где нынче растет один. Но забывать о том, что уже попало под колеса этого поезда и что еще может попасть, нельзя. Надо ежедневно и скрупулезно соблюдать «правила движения» и отчетливо видеть, где красный свет, где желтый, где зеленый. Живая природа — не вирус, который может приспособиться к любому лекарству. Значит, должны приспосабливаться мы сами, со всей нашей наукой, культурой, производством. Колокол бдительности должен звучать непрерывно.

К вопросам охраны среды, устройства земли и заботы о нашем здоровье, конечно же, следует отнести и устройство зон отдыха, зон здоровья. То, что сейчас есть в пригородах Благовещенска — садовые участки, зеленые насаждения, «зона массового отдыха», — давно уж перестало удовлетворять запросы и требования граждан.

Не однажды мне приходилось слышать от медиков и биологов, что воздух Благовещенска не так уж безвреден, что необходимо создавать зоны здоровья. Нельзя же считать решением вопроса лишь объявление того или иного места зоной отдыха граждан. А сейчас пока получается именно так. Эти зоны, в том числе и левобережье Зеи напротив города, находятся в диком, неблагоустроенном состоянии.

В «Амурской правде» я как-то прочел, что в будущем предусматривается даже застройка этого района. Значит, что же, — когда-нибудь горожане лишатся и этой зоны отдыха? Куда же тогда податься? И зачем, собственно, Благовещенску лезть на ту сторону Зеи?

В нынешнем Благовещенске из 12 тысяч строений (данные 1982 года) лишь около двух тысяч — каменные дома. То есть шестая часть. И в этой шестой части проживает уже бóльшая часть населения. Если же и ту площадь, что занимают деревянные и прочие «одноэтажки», построить хорошими каменными домами, на нынешней территории города сможет разместиться чуть ли не миллион жителей. Тут еще есть где строить! К тому же здесь уже имеются все основные коммуникации и всякое строительство обойдется гораздо дешевле,

чем на левом берегу Зеи. Ведь и строители должны помнить, что экономика должна быть экономной. Но главное — во имя чего надо отнимать у горожан последнюю зону отдыха, которую можно было бы прекрасно устроить? Будущие города не должны занимать лишние земли. Землю надо беречь. Конечно, они должны быть хорошо благоустроены, и у них должны быть хорошие «легкие».

В Благовещенске полностью устроенной частью можно считать пока что набережную Амура и площадь Ленина с прилегающим парком. Место это когда-то ничем не отличалось от того, что представляет собой сейчас левобережье Зеи. И вот здесь землю устроили. Выровняли, подняли, снабдили плодородным слоем, посадили деревья, кусты, обозначили аллеи. Теперь это самое привлекательное место в городе. А с годами, когда деревья разрастутся, станет еще лучше.

Уверен, что очень хорошо можно было бы устроить постепенно и левобережье Зеи. Тем более, что мост через реку уже переброшен. На протяжении почти двадцати километров, от устья Зеи вверх по реке, широкая полоса поймы, прилегающая к берегу, представляет собой заросшие проточки, песчаные релки, ерники, закочкаренные болотца и озерца. То есть — неудобья. Все это, где больше, где меньше, покрыто кустами и деревьями, и везде на уровне реки неглубоко, в пойменном песчаном грунте, находится вода. Тут легко не только выравнять поверхность, заложить сады и рощи, но и устроить множество прекрасных водоемов, где можно было бы и здоровья набираться, и рыбу разводить.

На столь обширной площади нашлось бы место и для спортивных лагерей, и для коллективных садов с домиками, и для парков с прудами и для многого другого. Эта пойма и сейчас в какой-то мере является очистителем воздуха. А если бы тут зеленели сады и рощи, голубели пруды, углубленные озера и каналы, левый берег служил бы горожанам великую службу. А ведь пока в благовещенских пригородах нет ни прудов, ни парков, ни сколько-нибудь устроенной зоны отдыха. Люди вынуждены искать места для отдыха за десятки километров от города.

Что касается техники, способной устроить земли, нынче на нее грех жаловаться. Она такова, что можно устроить любые неудобья. Несколько лет назад, когда мост через Зею еще строился, я побывал в том месте, где земснаряд намывал песок для автотрассы через левобережную пойму. Сколько же он наворочать успел! Брал песок из-под себя и перегонял его вместе с водою по трубам на громадное расстояние. А позади

оставалось глубокое чистое озеро. И подумалось: сколько бы мог один такой работяга наделать в этой пойме прудов, каналов, пляжей! Сколько мог бы спасти, путем углубления и расширения, заросших озер и озерушек! Надо только все спланировать как следует и год от года продвигаться по намеченному пути.

Хозяйского, разумного устройства ждет и правый берег Зеи, начиная от Астрахановской окраины, вверх по течению, включая мелкие проточки и острова. Если же все, что сейчас отнесено к так называемой «зоне массового отдыха горожан», будет оставаться в беспризорном состоянии, то скоро все это станет голой, грязной и отнюдь не здоровой землей. Земля эта, как и всякая земля, нуждается в защите и устройстве. Устраивать землю — значит устраивать жизнь.